

ДИЛОГИЯ МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО
(ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕОПОЭЗИСА)

Розанна Казари

В области культурологии река, несомненно, один из наиболее изученных территориально-географических факторов: река на семантическом уровне и в самом общем её значении характеризуется некой преобладающей амбивалентностью. На самом деле вода разделяет и одновременно соединяет два берега реки, две реальности, которые могут быть и очень разными, поэтому почти автоматически понятие „река” отсылает к понятию „граница” между „своим и чужим”. Амбивалентность реки отражает и амбивалентность воды, которая может являться одновременно и символом жизни, и знаком смерти, чистая и проточная вода вообще символизирует жизнь, в то время как стоячая вода вызывает образ смерти¹.

В частности, что касается русских рек, то, с одной стороны, они выполняли исключительную и незаменимую экономическую и социальную функцию, в особенности, до введения железной дороги, делая возможными связи внутри огромных пространств страны, с другой стороны, по рекам мог легко и неожиданно наступить и неприятель.

Говоря о русских реках, нужно подчеркнуть эстетически и функционально положительную градостроительную роль рек в русском ландшафте². Почти все древние русские города: Киев и Москва, Владимир, Тверь, Торжок, Вологда, Кострома, Серпухов, Орёл строились на двух противоположных берегах реки. Их главные здания, церкви и кремль, их площади и сады особенно живописно размещались на высоком берегу реки или на его склоне. Можно сказать, что организующая функция реки определяет особенную „урбанистику” древних русских

---

1 Об амбивалентности образов реки, воды, моста, см. между прочим: Simmel 1970, Bachelard 1942, Durand 1969, Casari 1997, Zanini 1997.

2 „Замысел градоформирования направляли и соображения эстетические. К красоте расположения поселений люди средневековой Руси были весьма чутки... в летописных текстах и сказаниях появились свидетельства эстетического отношения к выбору места строительства”, — утверждает историк архитектуры Иконников, см. Иконников 1990: 33.

городов. Всё сказанное о русских реках относится, разумеется, и к Волге – самой важной русской реке, связанной с литературой больше всех остальных. В своём длинном течении через разнообразные земли она вбирает в себя и объединяет, можно сказать, их древние, основополагающие культурные традиции. В самом деле, обширная часть русской территории притягивается Волгой и в соответствии с этим центром традиционно разделяется на три части: Верхнее и Среднее Поволжье и Низовье, каждая из которых имеет свои традиции, свои нравы, своё культурное лицо. Многие гео-морфологические свойства реки Волги создают разные характерные пейзажи по её берегам, определяют жизненные условия тех, кто живёт на них, их рабочую деятельность, их социум.

Русская литература с давних времён глубоко освоила и разработала образ реки и в особенности Волги, кроме того на её некоторых отличительных чертах почти буквально „строились” некоторые литературные произведения, как, например, на разнице в рельефе двух берегов: один берег, высокий и горный, противопоставляется другому, низкому и песчаному. Такая оппозиция, сама по себе только морфологическая, в литературном контексте обретает возможность творчески взаимодействовать с целым рядом других оппозиций, существующих внутри более широкого „культурного текста” реки Волги. Некрасов, Островский и Горький, Пильняк и современная литература³ разработали, как известно, настоящий „волжский текст” русской литературы, внутри которого писателю XIX-го века Мельникову-Печерскому можно приписать заслугу создания целой энциклопедии всех культурных наслоений, связанных с указанной оппозицией. Действительно, можно говорить о диалогии Мельникова-Печерского *В лесах* и *На горах* как об энциклопедии Поволжья по необъятной широте фольклорных, бытовых, социально-экономических, языковых данных, которые автор включил в произведения. Слово энциклопедия, с одной стороны, даёт понятие о широте географического, этнографического, фольклорного, исторического материала, с другой стороны, не отражает оригинальности этого произведения, которое никогда не описывает просто территорию, но заново воссоздаёт её в мифопоэтической перспективе.

---

3 См. например Ерофеев 1998.

Трудно сказать, география ли обуславливает художественное представление этого мира или же художественный мир функционально (т.е. мифопоэтически) его воссоздаёт. В самом деле, система образов текста соединяет и вновь подразделяет пространства романа так, что каждая часть территории „моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические, и т.п. ...и принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений” (Лотман 1992: I: 414).

Территория, на которой разворачивается действие первого произведения Мельникова *В лесах*, – это Верховое Заволжье:

Верховое Заволжье – край привольный. Там народ досужий, бойкий, смысленый и ловкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца. Ниже не то: пойдет лесная глушь, луговая черемиса, чувашаи, татары... в заволжском Верховье Русь исстари уселась по лесам и болотам (Мельников 1976: II: 7).

Если смотреть на контуры зоны, указанной Мельниковым, можно заметить её веерообразную конфигурацию, открывающуюся по направлению к северу и северо-востоку.

Леса, что кроют песчаное Заволжье, прежде сплошным кряжем между реками Унжей и Вяткой тянулись далеко на север. Там соединялись они с Устюжским и Вычегодскими дебрями. В старые годы те лесные пространства были заселены только по южным окраинам – по раменям – вдоль левого берега Волги, да отчасти по берегам ее притоков: Линды, Керженца, Ветлуги, Кокшаги... Тамошний люд жил как отрезанный от остального крещеного мира (Мельников 1976: II: 313).

Получается, что леса, от которых происходит название романа, как будто расширяются всё больше и больше, становясь всё гуще, и так непрерывно до Великого Севера России. Они, эти леса, давали приют тем, кто искал убежище от преследований официальной церкви. На самом деле, леса, как и реки, культурологически амбивалентны. Леса, которые изображает Мельников, в соответствии со средневековой традицией (см. Harrison 1992) соединяют христианские и языческие характеристики, в них граница между этими двумя мирами делается очень тонкой. Многие святые люди выбрали их в качестве

места для своего подвига, для них леса имели ту же функцию, что и пустыня для пустынников, с другой стороны, в них продолжают жить злые духи, лешие и русалки. Леса – это места вне законов, места, где легко потеряться в прямом и в переносном смысле, пространство, где герой может заблудиться и заблуждаться, потерять дорогу и утратить морально-нравственные ориентиры. Леса – тайный мир, имеющий не только свою известную только немногим топографию, но и свои правила, свои законы, которые нужно знать, чтобы не погибнуть.

Не то что дорог, даже мало-мальски торных тропинок там вовсе почти нет; зато много мест непроходимых... попадаются обширные глубокие болота, а местами трясина с окнами, вадыями и чарусами... Это страшные, погибельные места для небывалого человека (Мельников 1976: II: 206).

В своём изображении территории, на которой происходит действие романа, Мельников постепенно суживает первоначальный широкий ракурс и сосредоточивается на Чернораменских и Керженских лесах, а точнее – в определённом пункте: это Каменный Вражек, где расположен старообрядческий комаровский скит. Но эти точные географические детали всегда сопровождаются легендарными и сказочными, недаром недалеко от скита находится

...место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре. Цел тот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквями, с честными монастырями, с княженецкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим (Мельников 1976: II: 7).

Это озеро Светлый Яр, в котором утонул мифический город Китеж и на дне которого он чудесно продолжает свою жизнь. Только чистые и цельные могут видеть его и слышать звон его колоколов.

Мир, созданный Мельниковым, – древняя, иногда почти фантастическая Русь, которая без конца обращается к прошлому: *исстари, систари, издавна*, вот любимые временные определения, сопровождающие пространственные представления этой глухой России. Чувствуется, что точка зрения, с ко-

торой рассматривается эта территория, находится далеко от неё, в центре страны (в столицах) или в большом городе – в Нижнем Новгороде, который по сравнению с местом нахождения скитов расположен всё-таки на „этом”, а не на „том” берегу реки.

Уже само понятие „Заволжье”, то есть территория, находящаяся „за чем-то”, со своим существенным значением отделения, культурного своеобразия отражает основные характерные черты народа, живущего на ней. Оно символизирует мир раскола, мир старообрядцев, которые с давних времен нашли там убежище. Но этот мир скитов и обитателей, хранителей древней веры и древних традиций обречён, над ним витает чувство конца и разорения. Игуменья мать Манефа, воображаемый персонаж, но, наверное, изображающий реальную монахиню, знакомую автору, спрашивает себя:

Куда пойдем? Теперь же где ни пошлешь – строгости: скиты зорят, моленны печатают, старцев да стариц по дальним местам рассылают. Силен и славен был Иргиз, и с тем покончили. Лаврентьев порешен, в Стародубье мало что осталось... Пожалуй, и нашему Керженцу близка череда... (Мельников 1976: III: 165).

Нет будущего для монахинь и белиц, разорение женских скитов роковым образом должно следовать за упразднением мужских, которое уже произошло к тому времени, когда разворачивается действие романа. На самом деле, исторические факты, о которых говорится в романе *В лесах*, относятся к периоду действительного разорения керженских старообрядческих скитов (1853-1854). Главной повествовательной линией произведения является именно рассказ о последних событиях в одной из этих обителей, во главе которой находится игуменья мать Манефа.

Конец скитов представляется (и в действительности таким он и был) как конец и потеря духовного и художественного наследия, целого культурного мира и культуры чрезвычайно важной, которая там, в Чернораменских и Керженских лесах, богато и полностью развилась.

По правде сказать, как утверждает Мельников (Мельников 1976: IV: 209-225), самые драгоценные иконы, древние книги, редкие печатные тексты и „счатейные”, хранящиеся в скитах,

были спасены в Москве, но вместе со старыми деревянными часовнями, со „стаей” деревянных домиков монахинь, расположенных вокруг часовни, исчезла навсегда „душа локуса”, был утрачен поэтический старый мирок. Этот чарующий, отдалённый мир оказывается одновременно глубоко трагичным.

В тексте произведения атмосфера поэтической уединённости всячески подчёркивается разными стилистическими факторами, она создаётся тут и особым употреблением топонимов, которые время от времени перечисляются, называются по списку один за другим, так что возникает как бы эхо, бесконечное перечисление, своего рода „литания”, что вполне соответствует культуре старообрядчества, обращённой к старинным, народным формам. То же самое можно сказать о повторяющейся номинации лесов, рек и деревень, которая становится звуковым символом самого народонаселения.

Между скитами и территорией раз и навсегда установились симбиотические связи, через которые этот мир воспринимается, в основном, как замкнутый мир, как мир с закрытым горизонтом, но одновременно с доминирующим ощущением предстоящего конца и тоски по тем лицам и тем предметам, которым угрожает исчезновение.

Географическими факторами, определяющими и выражающими духовный мир скитов, являются прежде всего, как уже было сказано, река и леса. Во-первых, Волга, которая действует как знак разделения. Во-вторых – непроходимые леса. Раскольники выбрали такие лесистые зоны для безопасности, но со временем леса как будто закрылись над ними и вокруг них, стали крепостью, из которой не только невозможно выйти, но и не хочется выходить.

В общем можно выделить в изображении этой территории Заволжья некое преобладание горизонтальности и кругообразности, которые касаются всех её пространственно-временных элементов. Сама архитектурная структура скитов соответствует этой схеме:

Внутри околицы обширного селенья не было ни улицы, ни односторонки, ни курмыша. Обнесенные околицей жилые строения и разные службы были расположены кругом обширного двора, среди которого возвышалась часовня. Строения стояли задом наружу, лицом на внутренний двор. Такое расположение домов

очень давнее: в старые годы русская община всегда так строилась; теперь редко где сохранился круговой порядок стройки... За Волгой и в северных лесных пространствах кое-где сохранились еще круговые поселенья, напоминающие древнюю общинную жизнь предков. Таковы были и скиты (Мельников 1976: II: 320).

Кольцевую организацию строений подчёркивает каждая часть скита:

На Каменном Вражке в последнее время было до двенадцати общин „обителей"... Строенье в обителях на Каменном Вражке не похоже было ни на городское, ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть больших бревенчатых изб на высоких подклетах ставились одна вплоть к другой, либо отделенные одни от других тесовыми холодными сенями. Строены под одну кровлю, соединялись меж собой сенями и крытыми переходами. Такое строенье называлось „стаей" и напоминало допетровские городские хоромы зажиточных людей (Мельников 1976: II: 320-321).

Общая циркулярность строения делает более значительным, разумеется, понятие „замкнутости". То же понятие подтверждают обычаи монахинь и белиц: их дни, месяцы, годы всегда одинаковы, сегодня, как вчера, как завтра. Жизненный ритм чётко определён работой и молитвами, чередованием праздников и паломничеств. Паломники часто ходят на озеро Светлый Яр и каждый раз совершают несколько его обходов с молитвами и песнями.

Но циркулярность касается не только жизни скитов, а вообще всего мира Заволжья, всё и все там идут „по солнцу", следуя древним обычаям.

Понятие „замкнутость" можно истолковать по-разному – или как то, что „настоящая жизнь находится только внутри скитов", то есть они являются центром этого мира и нет спасения вне их, или иначе: „спасти можно, только убегая из скитов, которым угрожает конец", надо выйти из заколдованного круга их бытия.

Но во время написания романа Мельникова миру скитов уже пришёл конец, и сам Мельников, как известно, участвовал

в их разорении⁴, хотя позже он в этом раскаивался, когда понял, что вместе с этими обителями исчез целый культурный мир: роман *В лесах* воспринимается как элегия.

Мельников рассказывает, что по традиции начало Керженских скитов связано с чудесной Казанской иконой Пресвятой Богородицы и с судьбой старца Арсения из Соловецкого монастыря. После разорения монастыря Арсений

...пришел в лес, узрел Казанскую чудотворную икону по облакам ходящу... Пошел за нею старец, ...а деревья перед ним расступаются, болота перед ним осушаются, через реки преходит Арсений яко посуху... старец Арсений тою святою иконою приведен бысть в леса Кирженски, Чернораменские. На том месте, где опустилась икона на землю, поставил он обитель Шарпанскую... (Мельников 1976: III: 170).

Эти скиты неоднократно подвергались разорению – судьба монахов и монахинь была всегда трагичной, над ними постоянно висела угроза возможного конца, и они должны были всегда быть готовы к бегству. Но в середине прошлого века, накануне окончательного разорения, они не могли больше найти убежища ни дальше в глубине северных лесов, это было уже бессмысленно, потому что везде и повсюду их могли настичь петербургские чиновники, ни к западу, потому что река Волга преграждала им путь. Разумеется, не в буквальном смысле этого слова, но на символическом уровне, так как река со временем стала символом новой, современной жизни – это то, о чём Мельников рассказывает во второй части диалогии *На горах*.

По Волге уже плыли пароходы вверх до Нижнего и дальше, вниз до Астрахани, исчезли старые суда, бурлаки. Пароход представляет собой нечто новое и современное. Самые предприимчивые купцы, которые живут „на горах”, понимают это и пользуются возможностями нового транспортного средства, следовательно, река со временем становится всё более и более заметной границей между новыми людьми, живущими на пра-

---

4 Мельников в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел: „В течение долгих лет службы... был активнейшим участником преследования старообрядцев... Немало заволжских *скитов* было «упразднено» им...” (Вургафт, Ушаков 1996: 169).

вом берегу, и старым миром левого берега, строго придерживающимся традиций, у которого нет будущего. Таким образом в произведении подтверждается многозначность образа реки, которая для одних стала динамической действительностью, а для жителей территории левого берега – непроходимой границей.

География Мельникова реальна: на карте России можно найти все упомянутые им места; столь же реальным является богатый историко-социальный и этнографический материал, но эти данные могли бы остаться поэтически пассивными, если бы автор не выявил в них некую своеобразную „повествовательность”, присущую им, то есть сама геоморфологическая структура территории „рассказывает” о конце скитов, по мере развития сюжета принимая на себя динамическую, творческую роль. В данном случае чувство конца поэтического уединённого мира Заволжья как будто порождается самой территорией.

ЛИТЕРАТУРА

- Вургафт, С. Г.; Ушаков, И. А.
1996 *Старообрядчество*, Москва 1996.
- Ерофеев, В.
1998 *Пять рек жизни*, Москва 1998.
- Иконников, А. В.
1990 *Тысяча лет русской архитектуры*, Москва 1990.
- Лотман, Ю. М.
1992 *Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. Избранные статьи в 3-х томах*, Таллинн 1992: I: 413-447.
- Мельников, П. И. (Андрей Печерский)
1976 *В лесах. Собрание сочинений в 8-ми томах*, Москва 1976: II-III-IV.
- Bachelard, G.
1942 *L'Eau et les rêves*, Parigi 1942.

- Casari, R.
1997 *Immagini del ponte. Il complesso di Osmodeo*,
Milano 1997: 101-107.
- Durand, G.
1969 *Les structures anthropologiques de l'imaginaire*,
Paris 1969.
- Harrison, R. P.
1992 *Foreste, L'ombra della civiltà*, Milano 1992.
- Simmel, G.
1970 *Ponte e porta. Saggi di estetica*, Padova 1970.
- Zanini, P.
1997 *Significati del confine. I limiti naturali, storici, mentali*, Milano 1997.